

УДК 338.24

А. Н. Демьяненко

РАЙОН КАК ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Рассматриваются дискуссионные вопросы региональной экономики: понимание организационной природы района как объекта стратегического управления и формирование системы характеристик, позволяющих осуществить типологию районов, для целей управления региональным развитием.

Район, районообразование, районирование, теория организаций, структурные и контекстные характеристики, территориальная организация общества, региональное стратегическое управление, региональная стратегия, методы стратегического анализа.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной литературе по проблемам районирования уже давно стало общепризнанным то, что район представляет собой одну из разновидностей системы. Однако попытки осмысления природы района с позиций теории систем не так многочисленны, как того можно было ожидать, и, как правило, они относятся к 60-м — первой половине 80-х гг. прошлого века. Сказанное в равной мере относится и к отечественной географии и к региональной экономике. Поэтому не случайно происходит не только подмена понятий, но и самой логики регионального управления. Вместо того чтобы,

© Демьяненко А. Н., 2008

Статья подготовлена при поддержке проекта ДВО и УрО РАН, проект № 07-П-УО-28-018.

как то имело место до середины 20-х гг. прошлого века, решать проблему идентификации районов — объектов регионального и в первую очередь стратегического управления регионального развития, все усилия направляются на разработку стратегий развития субъектов РФ, т. е. районов, выделенных по критериям политического свойства.

Причины создавшегося положения дел имеют как объективный, так и субъективный характер. Если говорить о причинах первого рода, то они непосредственно связаны со сложностью или, точнее, сверхсложностью самого объекта исследования.

Намного важнее другое — отсутствие социального заказа на такого рода исследования. И хотя в ряде публикаций автор уже останавливался на анализе сложившейся ситуации [8; 9], тем не менее есть необходимость еще раз попытаться разобраться в причинах, по которым социальный заказ на исследования по проблемам районирования оказался так и не сформирован.

Для этого кратко остановимся на рассмотрении процессов, происходивших в политической системе Российского государства на протяжении постсоветского периода его истории, которые имеют непосредственное отношение к проблеме территориальной организации.

На начальном этапе, который продолжался, как минимум, до середины 90-х гг. прошлого века, вопросы территориальной организации российского общества не имели сколько-нибудь существенного значения для федерального уровня власти. Если не рассматривать сугубо конъюнктурные политизированные тексты, то «сухой остаток» — признание того факта, что в России отсутствует дееспособная государственная региональная политика¹.

На втором этапе мы наблюдаем массовое влечение и в среде экспертного сообщества, и в среде администраторов (как в центре, так и на местах) к разработке региональных стратегий от мега- до микроуровня.

Практически все региональные стратегии, независимо от того, имеют они официальный статус или не обладают таковым, выполнены, если так можно выразиться, в рамках «методологии МЭРТ». Не имея ничего против этого подхода, автор, тем не менее, считает, что вряд ли его можно рассматривать как единственно правильный, когда речь идет о региональных стратегиях, которые предполагается осуществлять в условиях конкурентных рынков, ситуация на которых отличается зачастую крайне высоким уровнем неопределенности.

Но тогда, вместо анализа социально-экономического положения регио-

¹ Автор не считает возможным останавливаться на многочисленных публикациях первой половины 90-х гг., в которых доказывалось, что в РФ вовсе нет государственной региональной политики. Однако тот факт, что в этот период российской истории не было эффективной региональной политики, вовсе не означает, что таковой не было вовсе.

на, необходим стратегический анализ, в ходе которого необходимо выявить конкурентные преимущества. Показательно, что Типовой макет не предусматривает анализа ни отраслевых, ни факторных, ни региональных, вообще никаких рынков. Есть только отрасли, и все.

Другое спорное место в существующих опытах разработки региональных стратегий — крайне слабая проработка вопроса территориальной организации. Анализ пространственных аспектов подменяется привязкой статистических данных к тем или иным субъектам РФ. Ни о каком использовании методологии районирования, которое не только используется за рубежом, но и показало свою эффективность в нашем отечестве, как правило, речи не идет. Возникает удивительная ситуация: все мы признаем, что «экономика России — не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр — регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей» [32, с. 38]. Но когда дело доходит до разработки региональных стратегий, в лучшем случае идем на выделение одного уровня территориальных образований.

Не предусмотрен Типовым макетом и «анализ предшествующего опыта, который может быть очень полезен, если он используется при разработке стратегии, а не стоит особняком» [24, с. 272].

Но, возможно, самая большая проблема — это то, что стратегии не содержат, как правило, четко прописанного механизма реализации намеченных целей стратегического развития.

На наш взгляд, большинство отмеченных выше недостатков является следствием слабости научной базы создания документов, характеризующих стратегическое социально-экономическое развитие регионов. Как следствие, «разработанные документы, определяющие стратегические перспективы социально-экономического развития региона, не увязаны с соответствующими документами других регионов, ни по горизонтали... ни по вертикали» [27, с. 6].

Одним из возможных направлений придания большей дееспособности стратегическому управлению региональным развитием является расширение его системного теоретико-методологического базиса за счет ряда теоретических концепций и подходов, сложившихся к настоящему времени в рамках теории организации. Именно обоснование сферы применения теоретических положений теории организации к стратегическому региональному управлению и составляет главную цель данной статьи.

Статья построена следующим образом. Сначала рассматриваются те научные концепции, а это в первую очередь концепция территориальной организации общества (ТОО) и социально-экономического районирования, которые

по разным причинам оказались вне поля зрения современных разработчиков региональных стратегий, но которые вполне совместимы с основными положениями теории организации. Затем приводятся аргументы в пользу того, что социально-экономические районы, выступающие в качестве системообразующих элементов ТОО, есть не что иное, как специфическая разновидность организаций, которые можно и должно рассматривать в качестве объектов стратегического управления региональным развитием. Далее описывается система контекстных и структурных характеристик района, изучение которых необходимо при проведении стратегического анализа. В заключении содержатся выводы о том, что может привести в разработку региональных стратегий использование некоторых положений теории организации.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И РАЙОНИРОВАНИЕ

Для начала отметим, что не все так плохо в области теории. Однако, что весьма любопытно, концепция ТОО, обладающая большими эвристическими возможностями, оказалась практически невостребованной ни в самом научном сообществе, ни в среде практиков, занимающихся вопросами регионального управления. Хотя в годы «застоя», когда возможности ее применения в практике управления были практически равны нулю, эта теоретическая концепция широко обсуждалась.

Чтобы понять, почему возникла столь парадоксальная ситуация, придется обратиться к истокам формирования этой концепции, а также к анализу основных положений концепции ТОО.

Обычно, когда речь заходит о концепции ТОО, в первую очередь вспоминают работы Б. С. Хорева, который с начала 70-х гг. и на протяжении последующих десятилетий прошлого века достаточно часто обращался к проблемам ТОО. Он же является автором единственного до настоящего времени монографического исследования [36].

Но если рассматривать содержательный аспект концепции, то даже краткое обращение к публикациям 20—30-х гг. прошлого века убеждает в том, что термин «территориальная организация» в контексте экономики страны и отдельных ее подсистем достаточно широко используем многими авторами. Оживление интереса к проблемам ТОО, которое имело место в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века и дало основание Н. Т. Агафонову прийти к заключению, что «разработка научных основ территориальной организации общества быстро превращается из чисто академической, теоретической проблемы в актуальную практическую проблему», не оправдалось в полной мере. В то же время автор в полной мере согласен с Н. Т. Агафоновым, что,

исследуя ТОО, «необходимо оставаться на почве анализа реальных процессов и объективных тенденций развития общества, именно из этого исходить в теоретических разработках и практических рекомендациях» [1, с. 6].

Однако прежде чем перейти к анализу реальных процессов формирования современной территориальной организации российского общества, целесообразно остановиться, хотя бы кратко, на самом понятии «ТОО», тем более что ясности в этом вопросе нет.

В уже цитировавшейся работе Н. Т. Агафонова исходная методологическая посылка сформулирована следующим образом: «Термин «организация» понимается в двух основных значениях. Во-первых, как внутренняя упорядоченность разделенных дифференцированных и относительно самостоятельных частей и элементов целого. Во-вторых, как процесс повышения такой упорядоченности. Таким образом, организация — в том числе территориальная — понимается либо как имманентное обществу свойство, либо как процесс развития этого свойства. В обоих случаях речь идет об объективной стороне общественного развития, имеющей историческую обусловленность. Но во втором случае — о двух неразделенных сторонах объективного процесса: стихийной и целеположенной» [1, с. 7].

Итак, ТОО, по мнению Н. Т. Агафонова, — система, хотя само это слово в приведенной цитате и отсутствует. В то же время организация — это процесс. Впрочем, противоречие кажущееся: ибо в теории организации давно сложилось представление о том, что организация — это и процесс, и результат этого процесса. Так, Р. М. Айдинян дает следующее определение: «Организация — это процесс и результат устройства, функционирования и развития системы» [2, с. 5]¹.

Пока оставим вопрос о структуре ТОО (к нему вернемся ниже) и постараемся ответить на вопрос, почему ТОО как процесс является единством стихийного и целеположенного. Дело в том, что процессы формирования ТОО трудно поддаются регламентации уже в силу того, что они находятся под воздействием множества факторов, причем механизмы их действия зачастую слабо изучены. В конечном итоге это приводит к высокому уровню неопределенности при принятии решений в отношении направлений и темпов развития как ТОО в целом, так и ее отдельных подсистем. Не случайно в последние годы появляются публикации, в которых высказываются вполне обоснованные опасения по поводу чрезмерного увлечения разработками государственных стратегий. Так, В. Мау, отмечая рост числа долгосрочных планов и прогнозов социально-экономического развития, которые по своей сути претендуют на статус стратегий, предупреждает о наличии целого ряда

¹ Аналогичные определения организации содержатся практически во всех работах по теории организации, как отечественных, так и зарубежных авторов. См., напр.: [7; 35].

ограничений, среди которых он выделяет: «Во-первых, не абсолютизировать возможности совершенствования экономики на основе планирования. Во-вторых, формировать более эффективные механизмы стимулирования инновационного развития (а эти механизмы относятся к сфере рыночных отношений, а не планирования). В-третьих, нужно сопоставлять цели планирования с меняющейся ситуацией и осваивать методы необходимых корректировок. В-четвертых, исходить из признания сложности и противоречивости взаимодействия государственного планового регулирования экономики и инициативных решений бизнеса и учиться оптимизировать это взаимодействие» [19, с. 17].

Причем далеко не всегда планомерное воздействие в форме стратегического плана, реализуемого органами государственной власти или местного самоуправления, отвечает целям формирования территориальной организации общества в целом или ее функциональных или региональных подсистем. Показательна в этом отношении деятельность советского государства в сфере территориальной политики, которая опиралась на вполне здравые целевые установки:

- сдвиг населения и экономики на Восток страны;
- комплексное развитие союзных республик и экономических районов;
- сближение уровней социально-экономического развития экономических районов и республик и т. д.

Здесь следует согласиться с мнением Н. Т. Агафонова, что перечисленные выше целевые установки «не только составляли некую систему принципов, но и носили стратегический характер, формулировали долговременные цели» [1, с. 14]. Другое дело, что эти вполне здравые принципы были реализованы далеко не в полной мере.

К настоящему времени в отечественной науке оформилось два основных подхода в исследовании ТОО.

Первый из них предполагает рассмотрение ТОО как совокупности территориальных структур расселения, производства, природопользования, объединяемых в единое целое системами управления. Ни в коей мере не отрицая правомерность такого подхода к территориальной организации общества, который благодаря работам Э. Б. Алаева [3] и Б. С. Хорева [36] получил широкое распространение, мы стремились развить представления о ТОО, идущие от результатов исследований, полученных в рамках теории организации.

В основе этого подхода лежат две исходные посылки. Первая — ТОО представляет собой сверхсложную вероятностную систему. В качестве элементов этой системы выступают районы различного типа и таксономического уровня. При этом районы представляет собой разновидность организации, отличаясь друг от друга набором характеристик, которые, используя

классификации, разработанные в теории организации, можно свести в две группы: контекстные и структурные переменные¹. Ниже мы более подробно рассмотрим эти две группы организационных характеристик применительно к социально-экономическим районам.

Итак, если первая посылка дает нам возможность рассмотрения ТОО как бы изнутри, то вторая — вписать ТОО в систему большей размерности — общество, так как имеет в основе признание того, что в понятии «социальное» следует выделять два уровня, а все многообразие социальных структур можно подразделить на два вида.

В структурах первого вида подсистемами общества выступают важнейшие сферы деятельности людей (аспекты, стороны общественной жизни): экономическая, политическая, социальная и духовная. В этом случае «социальное» в словосочетании «социальная структура» употребляется как синоним общественного. Совокупность же «территориальных проекций» (геопространств) этих социальных структур и есть ТОО в широком понимании этого термина, когда «социальное», «общественное» противопоставляется остальной природе. И хотя для каждого из перечисленных выше геопространств существуют свои механизмы функционирования и развития, они играют подчиненную роль по отношению к механизмам, определяющим эволюцию территориальной организации общества.

Впрочем, было бы ошибкой абсолютизировать границы между перечисленными выше подсистемами ТОО. При анализе взаимоотношений между четырьмя подсистемами ТОО, а также между ними и природной средой важно не упускать из виду явление взаимопроникновения.

В структурах второго вида «социальное» употребляется в узком смысле, обозначающем: «характер, способ, посредством которого люди объединяются в общество» [28, с. 20]. В отличие от структур первого вида, в которых в качестве элементов выступают определенные стороны, аспекты общественной жизни, в структурах второго вида таковыми являются группы людей. Среди структур этого вида выделяют прежде всего классовую или социально-классовую, а также профессионально-квалификационную, социально-территориальную и национально-этническую. А «территориальная интерпретация социальной структуры общества, т. е. данного на определенное время состояния его социального развития», составляет, по мнению М. Н. Межевича, «ядро понятия «территориальная организация общества» [21, с. 287].

¹ Впервые такое разделение организационных характеристик было предложено в рамках Астонской программы, которая выполнялась в 1960-х гг. в Астонском университете города Бирмингема (Англия) под руководством Д. Пью и Д. Хиксона. Подробно об исследовательской программе Астонской группы см.: [37]. В последующие годы разделение организационных переменных на структурные и контекстные получило широкое распространение в работах по теории организации. См., напр.: [7; 35].

Таким образом, признавая правомерной точку зрения, согласно которой «социальное» трактуется как в широком, так и в узком смысле, мы приходим к выводу о правомерности выделения узкого и широкого понимания ТОО. При этом, конечно, не может быть и речи о противопоставлении одного подхода другому, они не отрицают, а дополняют друг друга.

Очевидно, сейчас настало время остановиться на анализе основных свойств территориальной организации общества в узком понимании этого термина. Выше мы уже отмечали, что «социальное» в узком смысле складывается из нескольких типов структур: социально-классовой, профессиональной, национально-этнической и социально-территориальной.

Однако в этой широко распространенной в отечественной социологии классификации, как представляется, есть определенная натяжка. Дело в том, что и социально-классовая, и профессионально-квалификационная стратификация общества в своей основе имеет функциональную специализацию отдельных социальных групп, тогда как социально-территориальные структуры — это общности людей по поселению. В зависимости от целей исследования разбиение общества на различные социальные группы может быть бесконечно разнообразным. Так, П. А. Сорокин, считая, что «конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны», тем не менее полагал, что «все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация» [31, с. 303].

На самом деле, трудно представить себе поселение, а тем более группу поселений или район, жители которых не были бы разделены по политическому, профессиональному или этническому признаку, но в то же время не представляли бы собой социально-территориальную общность (СТО). В свою очередь, СТО можно рассматривать в качестве своего рода первичного элемента территориальной организации общества в узкой трактовке этого термина, который, с одной стороны, обладает территориальной определенностью, а с другой — социальной выраженностью.

Есть еще одна специфическая черта СТО, на которую следует обратить внимание. СТО — это не только население, но это и специфический субъект исторического опыта. Именно население, объединенное общностью объективных условий жизнедеятельности, в ходе своего развития накапливает и передает из поколения в поколение трудовые навыки и умения, нормы поведения в производственной и бытовой сфере, причем не вообще, а применительно к конкретным природным и социально-экономическим условиям места и времени.

Здесь возникает проблема критериев выделения СТО, их иерархии и типологии. Дело в том, что в экономических и социологических исследовани-

ях, как правило, территория, на которой происходит формирование той или иной конкретной СТО, соотносится с теми или иными единицами существующей системы административно-территориального деления (АТД): республика, край, область, район и т. д. Отсюда следует вывод, что иерархия СТО соответствует иерархии АТД страны.

С такой трактовкой «территории» вряд ли можно полностью согласиться. Пожалуй, такой подход был бы оправдан, если бы мы отождествляли понятия «общество» и «государство». Впрочем, для советского общества, которое было «огосударствлено» выше всякой меры, действительно не было большой натяжки в отождествлении АТД и системы СТО. Однако даже в этом случае говорить об идентичности социального и политического пространства было бы неверно.

Впрочем, нельзя отрицать влияния административно-территориальных (т. е. политических) границ на процессы развития СТО, на поведение отдельных социальных групп. Но как бы ни велико было это влияние административного (возможно, точнее, политического) фактора, он может способствовать или препятствовать механизмам саморазвития СТО, но ни в коем случае не заменять их. Поэтому мы полагаем, что совпадение границ административно-территориальных единиц и СТО — это чаще исключение, чем правило.

Скорее всего, границы СТО соответствуют границам социально-экономических районов, а не административно-территориальных образований. Население действительно центральный элемент СТО, но оно всегда неразрывно связано с территорией. В свою очередь, говоря о территории, как правило, предполагается неразрывное единство природных, экономических, социальных, политических и этнокультурных компонент.

В еще большей степени этот тезис справедлив в отношении районов, выделяемых для целей стратегического управления, ибо СТО в содержательном плане образуют ядро района. Так как позиция автора в отношении факторов районообразования, их таксономии и типологии была подробно изложена в ряде публикаций [8, 9, 10], то остается лишь отметить следующее. Основным типам районов: интегральным, выделяемым на основании факторов, имеющим как природный, так и социальный характер¹, социально-экономическим² и специальным, соответствуют и различные типы региональных стратегий.

¹ Аналог этого типа районов — «естественные и культурно-исторические области» П. П. Семенова.

² Ближайший аналог в содержательном плане — «общеэкономические районы» Госплана начала 20-х гг. Именно этот тип районов и рассматривается нами в последующих разделах данной статьи.

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

Итак, если в рамках широкой трактовки ТОО вполне удовлетворительно решается проблема функциональной социальной структуры, чего нельзя сказать о проблеме делимитации социального пространства, то отождествление территориальной структуры с АДТ вряд ли можно признать в качестве удовлетворительного решения. Поэтому автор считает возможным обратиться к решению этой проблемы в рамках концепции районирования. В этом случае район рассматривается как организация, т. е. частный случай социальной системы. А если это так, то району, как и любой организации, присущи свойства, отличающие этот тип системы от других. Несомненный интерес с точки зрения выявления специфических черт организации представляет исследование, предпринятое американскими специалистами Л. Портером, И. Лоуэром и Дж. Хакманом в середине 70-х гг. прошлого века. По мнению указанных выше авторов, которое, впрочем, разделяют многие современные западные специалисты в области теории организации, целесообразно выделение следующих пяти специфических черт организации.

1. *Социальное строение.* Организации состоят из людей, которые развивают социальные отношения и структуры взаимодействия.

2. *Целевая ориентация.* Организация создается для достижения той или иной цели.

3. *Разделение функций.* Для эффективной организации характерно разделение работы между членами организации таким образом, что они могли специализироваться в одной или двух областях деятельности.

4. *Рациональная координация.* Различные виды деятельности должны быть скоординированы рациональным образом.

5. *Длительность существования.* Большинство организаций создается всерьез и надолго, но это, впрочем, не означает, что все организации обречены на успех [42].

Комментарий к перечисленным выше специфическим чертам организации в контексте районирования сводится к следующим положениям.

Во-первых, социально-экономический район, в том числе и мегауровня, не просто состоит из людей, но и из людей, объединенных в СТО, т. е. общность людей по поселению. В свою очередь СТО, будучи своеобразным «ядром» района, не исчерпывают всего многообразия социальных процессов и структур. При этом свойства социально-экономического района не сводятся к сумме свойств образующих его элементов или подсистем. Иначе говоря, социально-экономические районы обладают фундаментальным свойством любой системы — эмерджентностью. Впрочем, здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Так, следует прислушаться к мнению, которое автор полностью разделяет: «Применительно к территориальным образованиям широкое использование понятия «система» требует определенной осторожности». Как и то, что «практически все современные территориальные образования являются своеобразным типом системно-конгломератных структур, для которых «единство» и «целостность» следует рассматривать как идеальное состояние» [18, с. 25]. Однако само по себе признание того, что субъекты РФ и федеральные округа не системны или, точнее, малосистемны, вовсе не означает неприемлемость районирования в качестве инструмента стратегического анализа. Скорее, наоборот.

Во-вторых, социально-экономический район всегда формируется под цель, другое дело, в какой мере эти цели формализованы. Не менее важно и то, что применительно к району мы имеем дело не с одной целью, а с некой совокупностью разнохарактерных (экономических, социальных, культурологических, экологических и т. п.) целей.

В-третьих, применительно к районам разделение функций представляет собой признание того, что район внутренне неоднороден, а это, в свою очередь, предполагает наличие в его территориальной структуре подрайонов, отличающихся друг от друга не только условиями ведения хозяйственной деятельности, но и территориально-отраслевой структурой экономики.

Таким образом, район может эффективно реализовать свои целевые установки только во взаимодействии с окружающей средой. При этом особое значение приобретают «горизонтальные» связи между социально-экономическими районами и «внешней» средой, в качестве которой выступает природная среда, которая в ее территориальном измерении представляет собой систему ландшафтов, т. е. физико-географических районов. Именно система связей между социально-экономическими и физико-географическими районами, а не парные связи по «загрязнению» тех или иных компонентов природной среды, в результате тех или иных видов хозяйственной деятельности и представляют собой систему взаимодействий между обществом и природой. Это, помимо всего прочего, означает, что изучение природных ландшафтов и физико-географическое районирование представляют собой необходимый этап в исследовании ТОО. Без проведения такого рода исследований становится как минимум неэффективной какая-либо природоохранная и шире — экологическая деятельность.

В-четвертых, район может достичь своих целей при условии, что отдельные виды деятельности должным образом скоординированы. В свою очередь, чтобы добиться координации функционально специализированных видов деятельности, без чего невозможно достижение целей, требуется специализированная подсистема, отвечающая за управление районом. Это

вовсе не означает, что в качестве таковой выступают исключительно органы государственной власти или местного самоуправления.

Нередко встречающееся в научной литературе отождествление управляющей подсистемы с органами государственной власти и местного самоуправления представляется автору упрощением реальной ситуации. Подобного рода ситуация: отождествление государственного устройства с организацией общества, — возможно, имеет определенный смысл, когда мы имеем дело с явно выраженными тоталитарными политическими режимами. Во всех остальных состояниях общества делать вид, что административно-территориальное устройство государства (т. е. его политическая организация) определяет пространственную организацию других подсистем общества, представляется как минимум недопустимым упрощением, принятие которого может повлечь за собой принятие неэффективных управленческих решений в отношении развития отдельных территориальных систем. Следовательно, границы социально-экономических районов, а тем более районов, выделяемых для целей стратегического управления, вовсе не обязаны совпадать с границами административно-территориального деления.

В-пятых, говоря о длительности существования как о специфическом свойстве организаций и социально-экономических районов, в том числе мы имеем в виду, что районы в своем подавляющем большинстве переживают многие поколения людей, проживающих на их территории. И чем больше размеры территориальных систем, тем больше (при прочих равных условиях) вероятность того, что эти системы окажутся долгожителями. Действительно, такие социально-экономические районы мегауровня, как Сибирь или Урал, существуют на протяжении многих поколений. Означает ли это, что они в ходе своего жизненного цикла остаются неизменными? Конечно, нет. Могут ли они, если использовать метафору жизненного цикла, продлить свою жизнь? Конечно, да.

КОНТЕКСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЙОНА

Коль скоро мы приняли, что социально-экономический район представляет частный случай организаций, то будет вполне оправданным использовать для его описания систему структурных и контекстных характеристик.

В теории организаций к числу контекстных характеристик, т. е. описывающих организацию в целом, обычно относят: размер, технологии, культуру и окружающую среду. В этот же ряд контекстных характеристик, при рассмотрении социально-экономических районов, следует отнести также «происхождение и историю» и «месторасположение».

Конечно, простая калька в данном случае непригодна, поэтому необходимо учитывать следующее.

Начнем с *окружающей среды* и, прежде всего, отметим, что когда речь идет о социально-экономических районах, в качестве таковой выступает природная среда.

Оценка природной среды предполагает, что воздействие ее на социально-экономический район осуществляется не по отдельным направлениям (климат, рельеф, гидрография и т. п.), а системно, в силу системной природы самих природных ландшафтов. Поэтому необходимым условием анализа влияния природной среды на процессы социально-экономического районирования является идентификация территориальной структуры физико-географической среды. Как правило, это возможно в рамках методологии физико-географического (ландшафтного) районирования¹.

Однако так как нас интересует район именно как организация, то мы должны особое внимание уделить анализу не только природного, но и социального (в широкой трактовке социального) окружения района. Здесь может быть полезна разработанная Ф. Эмери и Э. Тристом четырехступенчатая модель «каузальных структур», сложившаяся в системе стратегического менеджмента, и концепция «организационного домена», сформулированная в рамках теории организаций Р. Дафтом. По мнению автора, в рамках стратегического анализа эти две концепции, дополняя друг друга, образуют как бы второй уровень исследования окружающей среды территориальных социально-экономических систем (первый уровень — анализ природной среды). Если модель «каузальных структур» имеет отношение к принятию решений, то модель, предложенная Р. Дафтом, раскрывает структуру и характер взаимоотношений отдельных компонентов внешней среды.

Исходная теза в модели Р. Дафта может быть сформулирована следующим образом: среда организации не имеет четких границ, а представление о среде организации можно получить, исследовав ее домен, окруженный внешними секторами.

В свою очередь домен «определяет нишу организации и те внешние секторы, с которыми организация будет взаимодействовать, чтобы осуществлять свои цели» [7, с. 100]. И хотя в работах Р. Дафта имеет место определенная непоследовательность в выделении этих секторов или ключевых факторов, тем не менее можно достаточно четко определить, что к числу таковых следует

¹ Здесь нет необходимости подробно останавливаться на методологии и методике физико-географического (ландшафтного) районирования, по крайней мере по двум причинам: первая — этот вопрос далеко выходит за рамки обсуждаемой в данном разделе проблемы стратегического анализа, а вторая — этому вопросу посвящена обширная литература: [11; 12].

отнести: области деятельности организации (имеющие отраслевую и территориальную определенность), покупателей, поставщиков и конкурентов.

При всей кажущейся на первый взгляд необычности для отечественной экономической и географической науки приведенных Р. Дафтом «ключевых элементов» внешней среды все они имеют значение и применительно к социально-экономическому району. Более того, анализ операционной среды является необходимым условием разработки эффективной стратегии регионального развития.

Однако зачастую анализ операционной среды должен быть дополнен анализом общей среды, состоящей из таких секторов или ключевых факторов, которые оказывают на организацию косвенное воздействие, как правило, не оказывая влияния на текущую деятельность организации. Еще одна отличительная особенность общей среды заключается в том, что она оказывает влияние на все организации. Обычно к основным элементам общей среды относят: деятельность государственных органов власти и управления, общие экономические условия, демографическую ситуацию, состояние финансовой системы.

Как правило, без анализа операционной и общей сред невозможен сколько-нибудь обоснованный стратегический выбор регионального развития, уже в силу того обстоятельства, что такого рода анализ дает возможность не только выявить конкурентные преимущества конкретного района, но и возможные пути актуализации этих преимуществ.

Но чтобы актуализировать конкурентные преимущества, необходимо определиться с уровнем неопределенности, так как каждому из них соответствует определенный набор стратегий.

Содержательное ядро модели «каузальных структур» представляет утверждение, что внешние среды неоднородны по характеру их воздействия на организацию. Отсюда следует, что организации, функционирующие в различных средах, для успешной адаптации к воздействию внешней среды должны использовать различные способы принятия управленческих решений. В последующие десятилетия эта модель неоднократно модифицировалась и в настоящее время приобрела следующий вид.

Первый уровень — будущее достаточно точно прогнозируется, т. е. «неопределенность на данном уровне имеется, но она невелика» [15, с. 38]. Поэтому вполне достаточно разработать один базовый прогноз будущего развития событий. С неопределенностью первого уровня сталкиваются те регионы, развитие которых укладывается в уже сложившуюся эволюцию их развития.

Второй уровень — будущее не вырисовывается как нечто безальтернативное, так как существует как минимум два варианта (сценария) развития событий. Типичная ситуация для второго уровня возникает тогда, когда эффективность региональной стратегии зависит главным образом от действий

конкурентов. Иначе говоря, «возможные варианты очевидны и конкретны, трудно лишь предсказать, какой из них реализуется. А именно это определяет лучшую стратегию» [17, с. 17]. Такого рода ситуация была и будет характерной для тех районов, в пределах которых доминирующее положение занимают компании, действующие на олигополистических рынках.

Третий уровень характеризуется тем, что будущее состояние среды не может быть описано независимыми сценариями. С неопределенностью третьего уровня часто сталкиваются районы, реализующие стратегии, предполагающие выход на новые зарубежные рынки или делающие акцент на развитие новых отраслей (высокотехнологичных в первую очередь).

Четвертый уровень — это уровень полной неопределенности внешней среды. В качестве примера можно привести ситуацию, которая сложилась в нашем отечестве в начале 90-х гг. прошлого столетия. На этом уровне «разные параметры неопределенности взаимодействуют, образуя среду, в которой фактически невозможно делать прогнозы. В отличие от ситуации уровня 3, здесь нельзя обозначить даже диапазон потенциальных результатов, не говоря уже о сценариях» [17, с. 18]. Сразу же отметим, что подобного рода ситуацию, к счастью, очень редки и непродолжительны. И все же они существуют. Поэтому в ходе стратегического анализа следует предусмотреть своего рода «антикризисные» сценарии в рамках стратегий развития, что предполагает формирование стратегических резервов в регионах.

Конечно, приведенные выше соображения относительно уровней неопределенности не обуславливают некую неизбежность. Существует целый набор инструментов, которые позволяют снижать уровень неопределенности (об этом несколько ниже), но они ее не отменяют. Скорее всего следует стремиться не столько к снятию неопределенности — это маловероятно, уже в силу того, что потребует значительных затрат средств и времени, сколько к формированию навыков разрабатывать и реализовывать соответствующие региональные стратегии в условиях неопределенности.

Еще одна крайне важная контекстная характеристика — *размер* района. На первый взгляд все просто: размер района определяется его площадью, населением и объемом продукции, произведенной в пределах района. Однако нередко очень трудно определить, где проходит граница района. Д. Кимберли продемонстрировал, что размер состоит как минимум из четырех групп компонентов: физическая емкость, численность персонала, затраты на производство продукции и ресурсы организации в виде материальных ценностей и чистых активов [41].

Хотя сам Д. Кимберли полагал, что применение переменной «затраты» ограничивается сравнением организаций одного типа, но, по мнению автора, это справедливо и для других переменных, описывающих размер организа-

ции и района в том числе. При этом следует согласиться с мнением Р. Холла, что «компоненты размера могут быть во многих случаях тесно взаимосвязаны, но концептуальные различия между ними столь велики, что приходится каждый трактовать отдельно» [35, с. 150].

Попытаемся это сделать, памятуя о том, что мы имеем дело с весьма специфическим типом организаций — районом. Итак, начнем с емкости. Здесь уместно вспомнить о таком широко распространенном еще в начале XX в. понятии, как «колониционная емкость». Этот термин характеризовал предельную численность населения, которое можно было вселить в тот или иной колониционный район при установленной норме земельного надела. При этом предельная численность населения определялась величиной и качеством земельного фонда, состоянием дорожной сети, обеспеченностью населенных пунктов источниками водоснабжения и т. п. В последние десятилетия различные параметры, описывающие «емкость» отдельных территорий, стали вполне обычным делом. Так, достаточно часто употребляются термины «экологическая емкость», «рекреационная емкость» в отношении тех или иных местностей. Иначе говоря, емкость района характеризуется набором показателей, описывающих ту региональную среду жизнедеятельности, в которую вписана (или может быть вписана, при заданных ограничениях) та или иная социальная общность. Естественно, что «емкость» района не может являться некой постоянной величиной, она будет существенным образом меняться в зависимости от преобразовательной деятельности населения района.

Вторая компонента — численность персонала — трансформируется применительно к району в численность населения. На первый взгляд все просто. На самом деле вовсе не все. Так как необходимо определиться с тем, о каком населении речь идет: о населении, постоянно проживающем в данном районе, или мы должны включать население, которое проживает в данном районе временно.

Третья компонента — затраты на производство продукции. При этом «размер продаж является важным параметром выпуска продукции для многих коммерческих предприятий» [35, с. 150]. И опять-таки возникает целый ряд трудноразрешимых вопросов, связанных с открытым характером района как территориальной системы. Действительно, по мере развития сетевых организаций, с неявно очерченными границами, все чаще возникают ситуации, когда затраты, осуществляемые в одном районе, ведут к росту объемов производства или продаж в районах, отдаленных на многие сотни километров. Примером такого рода действий могут служить рекламные кампании, проводимые национальными и транснациональными корпорациями.

Четвертая компонента — ресурсы в виде материальных ценностей или чистых активов.

Далее целесообразно перейти к рассмотрению контекстной характеристики, тесно связанной с размером, — *технологии*. Принято считать, что пионером в исследовании взаимоотношений между структурой организации и технологией является Д. Вудворд, в последующем этот вопрос находился в центре внимания многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Отметим, что в рамках этих исследований не выявили тесной связи между уровнем технологического развития и структурой организации. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что технологии оказывают самое непосредственное влияние на характер и масштабы использования природно-ресурсного потенциала района, ведут к изменению его профессионально-квалификационной структуры населения и т. д.

Следующая контекстная характеристика — *культура* организации. К настоящему времени сформировался огромный массив научных публикаций, посвященных внутренней культуре организаций, проблемам кросскультурного взаимодействия, влиянию культуры, в том числе национальной, на выбор той или иной методологии менеджмента и т. д. В этих публикациях содержатся самые различные определения организационной культуры, но прежде всего цитата из книги Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера: «Рыба осознает, насколько ей нужна вода, только когда оказывается на берегу. Культура для человека — это как вода для рыбы. Она поддерживает нас. Она — наша жизнь» [34, с. 48].

А теперь попробуем разобраться с тем, как должно звучать формальное определение культуры. Чтобы упростить себе задачу, обратимся к ставшей уже классической работе Э. Шейна, в которой содержится указание на наличие у организационной культуры двух важных дополнительных элементов, отличающих ее от обычной концепции некой общности представлений или ценностей. Первый из них заключается в том, что «культура предполагает наличие у группы некоего уровня структурной стабильности», а второй предполагает, что «формирование культуры всегда связано со стремлением к структурированию и интеграции» [39, с. 30].

Итак, что и каким образом из всего сказанного выше имеет отношение к организационной культуре, если последнюю мы примеряем к району? Прежде всего, это означает, что культуре как проявлению коллективного опыта должна предшествовать общая история, которая предполагает известную стабильность состава населения, проживающего в конкретном районе. Не случайно, что требуется как минимум несколько десятилетий совместного проживания в пределах той или иной местности, чтобы сложилась общность людей, отличающаяся от других системой базовых норм, ценностей, моделей поведения.

Хрестоматийными примерами является формирование в ходе колониза-

ционного движения таких общностей, как поморы, старообрядцы, сибиряки, дальневосточники и т. п. Не случайно, что к 80-м гг. XIX в. «сибиряк ... на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности» [40, с. 61].

Второй из элементов культуры — стремление к структурированию и интеграции применительно к населению района — проиллюстрируем цитатой из работы А. Меньщикова: «Пестрый этнографический состав переселенцев, косный в массе, несет с собой в незаселенную местность свои обычаи и приемы, в большинстве случаев мало пригодные для нового края, а здесь тот житейский уклад, который на родине вырабатывался веками и вошел в плоть и кровь, — приходится менять, перестраивать, заново приспособляясь к непривычным условиям. В этом случае этнографическая индивидуальность, сглаженная на старом пепелище, — резко проступает наружу» [22, с. IV]. Но проходит буквально несколько лет, и пестрота этнографического состава на новых землях проявляется уже не столь явно. А, как правило, уже следующее поколение переселенцев идентифицировало себя как дальневосточников.

В ходе социалистической индустриализации поток переселенцев (включая спецпереселенцев и заключенных) в районы Сибири и Дальнего Востока достиг таких размеров, что естественный процесс формирования социально-территориальных общностей практически прекратился. По данным опроса 1995 г., в Хабаровском крае коренных дальневосточников было всего 6–7%, и уже в силу этого «они не могли диктовать приезжим нормы социальной жизни» [4, с. 122]. Поэтому в настоящее время можно говорить о том, что культура, сформировавшаяся в пределах Сибири, Дальнего Востока к началу XX в., сохранилась лишь фрагментарно. Ее место, как своего рода культурной доминанты, заняли самые различные варианты «проточной культуры».

С характеристикой «культура» тесно связаны еще две характеристики района как организации: «происхождение и история» и «месторасположение», которые отчасти были рассмотрены выше.

Начнем с «*происхождения и истории*», или «исторических» факторов. Прежде всего, отметим, что в отечественной географической науке проблема учета «исторических» факторов районообразования далеко не нова. Начиная с работ П. П. Семенова практически все, кто в той или иной мере касался проблем районирования России, тем или иным образом останавливались на влиянии исторических факторов. Одни из них, как В. П. Семенов-Тянь-Шанский [30], систему районов выводили из различных типов колонизации, которые находились в определенном соответствии с условиями природной среды. Другие, как А. Н. Челинцев [38], выстраивали целостную концепцию «генетических районов» применительно к исследованию эволюции сельского хозяйства России. Причем в этом случае «история» служила не столько

объяснению современного состояния района как системы, а своего рода инструментом прогноза его будущего состояния. Из более поздних работ несомненный интерес представляет предложенная Н. Н. Колосовским [16] стадийная модель экономических районов.

По мнению автора, возможен и подход к рассмотрению района в более широком историческом контексте. Реализовать это можно, в частности, используя волновую концепцию Э. Тоффлера, основные положения которой применительно к проблеме районообразования были уже рассмотрены нами ранее [8; 9; 10]. Здесь же автор считает возможным отметить следующее.

Во-первых, выявление системы районообразующих факторов дает ключ к пониманию не только территориально-отраслевой структуры экономики района, но и к пониманию процессов формирования в его пределах социально-территориальных общностей.

Во-вторых, понимание того, под воздействием каких исторически определенных факторов находится конкретный район, служит своего рода исходной основой для определения стратегического выбора. Не случайно Р. Дафт приходит к выводу, что «историческая перспектива является средой, контекстом интерпретации современных проблем» [7, с. 49], а поэтому неудивительно, что он считает: «Изучение истории — это обучение стратегическому мышлению» [7, с. 50]. К сожалению, приходится констатировать: уровень исторической образованности отечественных менеджеров, в том числе и в сфере регионального управления, оставляет желать много лучшего.

«Месторасположение» — последняя из рассматриваемых нами контекстных характеристик района, — по нашему мнению, может быть вполне удовлетворительно рассмотрена только в связи с предшествующей характеристикой «происхождение и история». Такие ее показатели, как центральность или периферийность, имеют смысл только в совершенно определенном историческом контексте — это первое принципиальное положение.

Второе принципиальное положение заключается в том, что «месторасположение» самым непосредственным образом связано с «размером», т. е. в конечном случае с таксономией.

И, наконец, следует упомянуть, что оценка «месторасположения» всегда обусловлена теми целевыми установками, которые лежат в основе районирования.

В настоящее время, когда речь заходит об оценке «месторасположения», обычно используют два подхода. Первый имеет в основе концепцию экономико-географического положения. Второй в основании имеет концепцию «центр — периферия». Обе упомянутые выше теоретические модели хорошо известны, им посвящены многочисленные исследования, что позволяет автору ограничиться лишь краткими замечаниями.

Во-первых, обе эти концепции взаимно дополняют друг друга. Действительно, трудно представить себе ситуацию, когда, давая оценку экономико-географического положения района, мы можем пренебречь анализом взаимоотношений «центр — периферия» в системе районов.

Во-вторых, в рамках какой бы из этих двух концепций мы ни рассматривали «местоположение» района, эта контекстная характеристика выступает в качестве ресурса регионального развития.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЙОНА

Если в отношении контекстных характеристик наблюдается определенное концептуальное единство, то в отношении структурных характеристик имеется как минимум два различных методологических подхода.

В рамках первого подхода «структурные характеристики дают возможность определить особенности внутреннего строения организации, описать их количественно и сравнивать организации между собой на основе этих описаний» [7, с. 24]. К их числу Р. Дафт относит: формализованность, специализацию, иерархию власти, централизацию, профессионализм и соотношение персонала, используя эти переменные для создания типологий организаций.

В рамках второго структурные характеристики, среди которых особое место занимает «проект», служат инструментом, позволяющим объяснить, почему организация выбрала ту или иную структуру. Но в то же время реализация проекта, т. е. выбор адекватной целям организации структуры, по мнению Р. Холла, может быть осуществлен через стратегический выбор и институциональные преобразования. При этом, что особенно актуально в контексте регионального развития, «проект организации по определению является политическим вопросом, но этот политический вопрос в нашем рассмотрении связан с идеей эффективности» [35, с. 149].

Для начала остановим внимание на «стратегическом выборе», уже в силу того, что этот термин с недавних пор получил широкое хождение в отечественной литературе, посвященной региональному стратегическому управлению, и прочно вошел в практику разработки социально-экономического развития многочисленных регионов и отдельных городов. Хотя, как совершенно справедливо отметил Р. Холл: «Концепция стратегического выбора не нова» [35, с. 171]. Тем не менее до сих пор не потерял актуальности вывод, к которому пришел А. Чандлер: «До тех пор, пока стратегия следует за структурой, результатом становится неэффективность» [5, с. 980].

Применительно к задачам стратегического регионального управления

этот тезис может быть сформулирован следующим образом: стратегия регионального развития требует территориально-отраслевой структуры, адекватной стратегическим целям. Но, что принципиально важно: и для стратегии, и для адекватной ей территориально-отраслевой структуры должна быть создана адекватная им обеим структура управления. А это уже не столь очевидно. В противном случае вряд ли бы мы наблюдали ситуацию, когда стратегические планы реализуются организационными структурами, предназначенными для реализации оперативных планов. Хотя в любом учебнике по стратегическому менеджменту можно найти, что «пытаться осуществить новую стратегию с помощью старой структуры, как правило, неразумно» [33, с. 331].

Стратегический выбор осуществляется на основе «связанной рациональности»¹, смысл которой состоит в том, что стратегический выбор не обязательно будет оптимальным выбором. Следовательно, и это принципиально, мы должны разрабатывать несколько вариантов региональной стратегии и несколько вариантов структур, ответственных за их реализацию. Если имеется лишь один вариант региональной стратегии и единственный способ достижения стратегических целей, т. е. вполне определенный набор процедур, осуществляемых в рамках единственно верной структуры, то необходимо задуматься над тем, насколько обоснованы цели данной региональной стратегии. Скорее всего, это может иметь место на первом уровне неопределенности, но если это так, то возникают сомнения в том, а нужна ли вообще новая стратегия?

Здесь непосредственно возникает проблема рациональности и эффективности региональной стратегии. Для начала обратимся к мнению Г. Саймона относительно природы рационального выбора. Итак, «число факторов, потенциально имеющих отношение к эффективности той или иной организации, так велико, что в каждый момент времени можно учитывать лишь некоторые наиболее очевидные из них. Набор этих принимаемых во внимание факторов постоянно меняется по мере того, как под действием внешних и внутренних обстоятельств возникают новые ситуации; «обучение» в форме реакции на воспринимаемые последствия — это основной способ проявления рациональности» [45, с. 27].

Попробуем разобраться с факторами, имеющими отношение к эффективности, применительно к региональному развитию. На первый взгляд все достаточно просто (во всяком случае, в рамках, сложившихся в отечественной практике регионального управления): есть центр — он задает стратегию соци-

¹ Концепция «связанной рациональности», или «ограниченной рациональности», ассоциируется, прежде всего, с работами Г. Саймона. См., напр.: [29].

ально-экономического развития страны¹, дело мест — адаптировать эти цели глобального уровня к особенностям конкретного региона, т. е. субъекта РФ.

Но на самом деле районы как объекты регионального управления, и прежде всего стратегического управления, каждый в отдельности и все в целом, представляют собой не только крайне сложную социально-территориальную систему, но и крайне динамичную. Причем число факторов, потенциально имеющих отношение к эффективности отдельных районов и их системы в виде ТОО, не только велико, но и крайне изменчиво. Более того, объем наших знаний о поведении районов, находящихся к тому же под воздействием различных факторов, зачастую недостаточен. Причем речь идет не только об отечественной науке. Удивительное нежелание принимать во внимание объективные законы районообразования демонстрируют и зарубежные коллеги. Пожалуй, самый красноречивый пример показывает ФРГ: почти за 15 лет решить проблему (региональную по своей сути) восточных земель так и не удалось².

Целесообразно обратить внимание на два следующих принципиальных положения.

Первое из них: стратегический выбор — ключевой этап стратегического процесса. Это процесс, а не одномоментное действие. Это не только волевой акт, который отечественная традиция склонна приписывать федеральному, региональному или муниципальному органу власти или конкретному руководителю того или иного региона. Как правило, стратегическому выбору предшествует определение проблемы. А так как представители власти определяют, что является проблемой, а что нет, то стратегический выбор всегда осуществляется в рамках определенного политического контекста, в рамках которого также определяются и критерии выбора. Этот политический контекст особенно явно проявляется, когда речь идет о разработке и реализации стратегии в отношении районов, находящихся по тем или иным причинам в кризисной ситуации. Проблема реальная заключается в том, что далеко не всегда пространственные границы «политического контекста» совпадают с границами реально существующих или потенциально возможных социально-экономических районов.

¹ Здесь, конечно, можно возразить, что в РФ нет официально принятой стратегии. Неоднократные попытки ее разработать («Программа Грефа», Концепция стратегического развития России до 2010 г., подготовленная рабочей группой под руководством В. И. Ишаева, и др.) так и не привели к принятию соответствующего решения. Однако в неявном виде таковая присутствует, что находит воплощение, в конечном счете, в практической деятельности и федерального центра, и органов регионального и муниципального управления. Что, впрочем, никоим образом не противоречит современным представлениям о природе стратегического менеджмента.

² «Команда экспертов, обобщившая по заказу германского правительства 14-летний опыт совместного существования восточных и западных земель, пришла к выводу: экономический разрыв между ними увеличивается. Вместо ожидаемого подъема обильные денежные потоки привели скорее к деградации» [6, с. 58].

Второе, что следует иметь в виду: стратегический выбор далеко не всегда результат планомерной и систематической работы. Нередко стратегический выбор осуществляется в рамках спонтанно формируемых стратегий. По мнению Г. Минцберга, следует различать «стратегии сознательные, в которых реализуется задуманное ранее, и спонтанные, когда паттерн развивается без всякого предварительного обдумывания или даже вопреки ему» [23, с. 36]. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что подавляющее большинство реализуемых в настоящее время стратегий в российских регионах относится именно к числу таковых. Впрочем, такая ситуация характерна и для большинства европейских стран. Хотя нельзя отрицать и того факта, что опять-таки во многих субъектах РФ и муниципальных образованиях предпринимаются многочисленные попытки создать, пользуясь терминологией Г. Минцберга, «сознательные» стратегии.

И здесь следует обратить внимание на SWOT-анализ. Почему именно к этой концепции, автор хочет привлечь внимание читателя? Ответ прост: эта концепция, во-первых, является действенным инструментом разработки «сознательных» стратегий, в том числе и регионального развития; во-вторых, обладает большими эвристическими возможностями, что показали последние десятилетия.

Напомним, что сущность метода в том виде, как она была сформулирована применительно к проблемам корпоративного управления, заключается в том, что стратегия компании должна обеспечивать соответствие между внутренними возможностями организации (ее сильные и слабые стороны) и состоянием внешней среды (возможности и угрозы). В дальнейшем «подход, сформулированный К. Эндрюсом, был широко распространен в 1970-х гг., а следующее десятилетие прошло под знаком отличавшейся большей аналитичностью концепции Майкла Портера. Именно М. Портер продолжил дело предшественника, наведя своего рода интеллектуальные «мосты» между сферой стратегии бизнеса и экономикой отраслевых организаций» [23, с. 74]. Действительно, «мосты» были наведены не только между сферой бизнеса и экономикой отраслевых организаций, но и между ними и экономикой районов. Более того, концепция, предложенная М. Портером, особенно в той части, где он, анализируя конкурентоспособность регионов и кластеров, рассматривает и регионы, и кластеры как объекты не только корпоративной, но и государственной политики. Именно это последнее обстоятельство придает особое значение анализу основных положений концепции М. Портера.

Более того, если действительно стоит задача определить место и роль района в ТОО страны, а тем более в контексте мировой экономики, то не обойтись без обращения к этой теоретической модели, для чего автор посчитал возможным напомнить правило ромба, сформулированное М. Портером.

Это правило является действенным инструментом анализа, позволяющего ответить нам, в конечном счете, на вопрос: действие каких сил формирует конкурентоспособность района, так как последнее не наследуется, не есть дар божий, а создается, в том числе и в ходе реализации стратегий регионального развития.

Свойства района составляют основу его конкурентных преимуществ, формируя то пространство, которое каждое правительство, центральное или региональное, создает и поддерживает для своих отраслей. Несомненно, каждая детерминанта ромба важна сама по себе. Трудно оспаривать влияние таких факторов, как наличие квалифицированной рабочей силы или инфраструктурного обеспечения, на конкурентные позиции экономики района. То же самое можно сказать и в отношении характера спроса на региональном рынке для отраслевого продукта или услуги.

Однако для целей выявления системы факторов, определяющих территориально-отраслевую структуру района, намного интереснее две другие детерминанты: внутрорегиональная конкуренция и уровень целостности, сформированности экономики района, т. е. связности образующих ее элементов.

Если обратиться к работе М. Портера «Конкуренция», то найдем там следующее: целостность непосредственно зависит от наличия или отсутствия отраслей-поставщиков или других сопутствующих отраслей, конкурентоспособных на международном уровне. Все это очень похоже на вспомогательные и обслуживающие отрасли, а все вместе свидетельствует о степени целостности территориальной социально-экономической системы, если использовать терминологию отечественной экономической географии и региональной экономики.

Что же касается внутрорегиональной конкуренции, то она, по мнению М. Портера, непосредственно связана с существующими в стране (регионе) условиями ведения бизнеса, которые, с одной стороны, определяются отношением государства к бизнесу, а с другой — качеством менеджмента деловых организаций.

Поэтому совершенно обоснованным представляется вывод, который делает М. Портер относительно особой роли этих двух детерминант: «Два элемента, внутренняя конкуренция и географическая концентрация, особенно сильны в превращении ромба в единую систему — внутренняя конкуренция в связи с тем, что она стимулирует совершенствование по всем остальным ключевым позициям, а географическая концентрация — по причине порождения и усиления взаимодействия между четырьмя отдельными факторами» [25, с. 192].

Возможно, упомянутые выше два элемента образуют своего рода главную ось ромба, а два других имеют как бы вспомогательное значение. Но это

справедливо только в том случае, если мы имеем дело со зрелой рыночной экономикой.

В реальной экономике, и это принципиально, «конкурентоспособные отрасли не разбросаны в экономике бессистемно — они обычно связаны друг с другом вертикальными (покупатель — продавец) или горизонтальными (общие потребители, технологии, каналы) связями. Не рассредоточиваются такие группы и физически: они тяготеют к концентрации в географическом плане» [25, с. 193], формируя кластеры. Последние представляют собой ядра социально-экономических районов. При этом взаимосвязи в пределах кластера «часто достаточно неожиданные, ведут к осознанию новых путей ведения конкурентной борьбы и новых возможностей. Такой кластер становится средством поддержания разнообразия и преодоления узости взглядов, инерции, недостаточной гибкости, а также способствует приспособлению между конкурентами, которые замедляют или блокируют совершенствование (судя по всему, следовало перевести как инновации. — А. Д.) и новые выходы на рынок» [25, с. 193–194].

Но и это не все. «Кластер — это форма сети, наблюдающейся в пределах географического региона, в которой близкое расположение фирм и организаций обеспечивает наличие определенных форм общности и повышает частоту и силу взаимодействия» [25, с. 234].

Здесь следует остановиться, хотя бы кратко, на природе сетей, как специфической разновидности систем, которые «составляют новую морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [13, с. 494]. Если оставить на время глобальный контекст «сетевых организаций» — это увело бы нас слишком далеко от заявленной темы, то следует признать, что размывание границ между фирмами и организациями ведет к исчезновению традиционных разграничений между внутренними и внешними членами организации, собственными и чужими ресурсами, крупными и мелкими предприятиями. По мнению ряда исследователей, «создание сетевых структур представляет собой мегатренд на широком фронте, охватывающем все отрасли и функциональные области, начиная с научных исследований и сети субпоставщиков в сфере производства и кончая франчайзинговой сетью в сфере сбыта» [26, с. 92–93].

В свою очередь, среди факторов, ведущих к вовлечению фирм и организаций в сеть под названием «кластер», прежде всего, следует выделить:

- общность интересов объединяемых фирм и организаций в определенных сферах деятельности, реализация которых возможна без конкуренции или, во всяком случае, без ее обострения;

- возможность ведения конструктивного диалога между фирмами, с одной стороны, и органами власти и управления — с другой;
- инвестиции, направляемые на улучшение условий функционирования кластера, приносят экономические результаты сразу многим фирмам.

И, возможно, самое главное — люди, живущие и работающие в пределах одного социально-экономического района, имеют много больше возможностей для как официальных, так и неофициальных контактов, что, в свою очередь, «способствует возникновению доверия, открытой коммуникации, а также снижает издержки, связанные с разделением и рекомбинированием рыночных взаимоотношений» [25, с. 232].

В результате в пределах кластера возникает качественно новый механизм экономического развития, включающий как конкуренцию, так и кооперацию между его участниками. Такое сосуществование кооперации и конкуренции оказывается возможным «благодаря тому, что они происходят в разных плоскостях и между разными участниками; объединение в одних сферах помогает успешно вести конкурентную борьбу в других» [25, с. 231].

Нетрудно заметить, что здесь мы вплотную подходим ко второй структурной характеристике, а именно: институциональным преобразованиям. Но прежде чем перейти к рассмотрению этой структурной характеристики, необходимо сделать несколько замечаний общего характера.

Во-первых, институциональным факторам, ставшим за последние десятилетия ключевыми в вопросах объяснения организационной структуры, нередко приписывают универсальный характер¹. А это далеко не так.

Во-вторых, «социально-экономические институты не столько строятся или конструируются, сколько выращиваются, подобно тому, как выращивается кристалл» [14, с. 7]. В этой связи не совсем понятен получивший широкое распространение, особенно в среде представителей отечественных законодателей всех уровней, взгляд на то, что решение социально-экономических проблем, и региональных в том числе, лежит в законотворческой сфере.

В-третьих, организации не принимают ту или иную структуру автоматически; они, в том числе и районы, принимают ту или иную структуру, как правило, в ходе реализации совершенно конкретного стратегического выбора.

¹ В том, что это действительно имеет место, нетрудно убедиться, если обратиться к российской научной периодике последних 10—15 лет, на страницах которой и отечественные, и зарубежные авторы выстраивают системы доказательств в пользу того, что ключ в решении российских проблем — создание институтов. Пожалуй, в наиболее законченном виде эта точка зрения изложена в статье В. Мау [20], в которой обосновывается тезис о том, что качество экономического роста определяется качеством институтов. Правда, не очень понятно, почему «модернизация государства является абсолютным приоритетом для решения всех остальных задач экономической и социальной модернизации» [20, с. 17]. И каким образом учесть порайонные различия в социально-экономических условиях, осуществляя «модернизацию государства»?

В конечном счете, от органов власти требуется при разработке и реализации региональной стратегии создание условий для возвращения институтов. Причем в такого рода деятельности должны быть вовлечены не только органы власти и самоуправления, но и представители отдельных социальных групп и бизнеса, т. е. все заинтересованные группы.

Если теперь вновь вернуться к кластерной концепции, то следует признать, что действенная региональная политика в решающей мере определяется политикой в отношении конкретных кластеров, формируемых в пределах того или иного района. И, напротив, проведение политики, направленной на обеспечение конкурентных преимуществ для отдельных фирм, разрушает рынки и приводит к неэффективному использованию ресурсов, имеющих в распоряжении администраций различного уровня. Следовательно, дееспособная политика в отношении кластеров со стороны региональных администраций должна заключаться в поощрении конкуренции, а не в ограничении и тем более ее разрушении.

Отсюда следует, что при разработке и особенно при реализации стратегий социально-экономического развития региона роль региональных администраций должна во все большей мере быть ориентированной на создание условий для формирования кластеров и во все меньшей мере ориентироваться на непосредственное участие в создании кластеров. «Новые отрасли и новые кластеры лучше всего возникают из уже существующих» [25, с. 255].

«В идеале, — по мнению М. Портера, с которым трудно не согласиться, — инициативы кластера должны осуществляться через определенные структуры, независимые от правительства» [25, с. 274], т. е. через социально-экономические институты. Конечно, при условии, что таковые существуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении следует подводить итоги, что мы и попытаемся сделать, оговорив, что итоги эти носят предварительный характер и никоим образом не претендуют на то, что они содержат истину в последней инстанции. Это, скорее, материал для дальнейшего обсуждения.

Во-первых, социально-экономический район представляет собой специфическую разновидность организации. При этом социально-экономические районы, с одной стороны, выступают как территориально обособленные подсистемы ТОО, а с другой — отличаются внутренней неоднородностью.

Во-вторых, границы социально-экономических районов, как правило, не совпадают с границами АД, т. е. с границами районов, выделенных по политическим критериям и «удобствам управления», как говорили в начале 20-х гг. прошлого века. Добавим удобства оперативного управления в первую

очередь. Поэтому идентификация социально-экономических районов как объектов стратегического управления представляет собой нетривиальную задачу и предполагает применение инструментария районирования.

В-третьих, стратегический анализ предполагает изучение как контекстных, так и структурных характеристик района. Без всестороннего учета всей совокупности организационных характеристик трудно рассчитывать на разработку дееспособной стратегии регионального развития.

В-третьих, в какой бы форме ни был осуществлен стратегический выбор, он всегда осуществляется в рамках определенной культуры и в контексте технологий, адекватных целевым установкам региональной стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агафонов Н. Т.* Территориальная организация общества в России: проблемы и пути становления / Теоретические проблемы региональной политики. Кн. 2. СПб.: Петрополис, 1993.
2. *Айдинян Р. М.* Введение в теорию социальной организации. Л., 1980.
3. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
4. *Бляхер Л. Е.* Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
5. *Виттингтон Р.* Чандлер, Альфред Дюпон-мл. / Классики менеджмента. СПб.: Питер, 2001.
6. *Гоффе Н.* Социальная составляющая экономического развития: региональный аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 5.
7. *Дафт Р.* Организации. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
8. *Демьяненко А. Н.* Районирование в контексте стратегий регионального развития // *Вестник ДВО*. 2006. № 3.
9. *Демьяненко А. Н.* Районирование и разработка стратегии регионального развития / *Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы*. Т. 1. Экономика. Хабаровск, 2003.
10. *Демьяненко А. Н.* Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003.
11. *Исаченко А. Г.* Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. М., 1965.
12. *Исаченко А. Г.* Экологическая география России. СПб.: СПбГУ, 2001.
13. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур / *Новая постиндустриальная волна на Западе*. — М.: Academia, 1999.
14. *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
15. *Койн К., Субраманиам С.* Дисциплина стратегии // *Вестник McKinsey*. 2002. № 1.
16. *Колосовский Н. Н.* Теоретические проблемы экономического районирования СССР (краткая схема изложения 1945 г.) / *Территориальные производственные комплексы*. М.: Мысль, 1970.
17. *Кортни Х., Керкленд Д., Вигери П.* Стратегия в условиях неопределенности // *Вестник McKinsey*. 2002. № 1.
18. *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Государство и регионы. М.: УРСС, 2000.

19. *Мау В.* Социально-экономическое планирование и прогнозирование в современной России: поиск новых форм или тяга к прежней практике // *Общество и экономика.* 2008. № 1.
20. *Мау В.* Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // *Вопросы экономики.* 2008. № 2.
21. *Межевич М. Н.* Социальная проблематика в системе экономической и социальной географии // *Известия РГО.* 1982. № 4.
22. *Меньщиков А.* Опыт исследования экономического положения новоселов 1906, 1907 и 1908 гг. в Приморской области, по данным подворно-статистического обследования в декабре 1908 г. и в январе 1909 г. Владивосток, 1910.
23. *Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С.* Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001.
24. *Николаев И., Точилкина О.* Стратегии и программы развития регионов // *Общество и экономика.* 2006. № 7–8.
25. *Портер М.* Конкуренция. М.: Вильямс, 2000.
26. *Райсс М.* Границы безграничных предприятий: перспективы сетевых организаций // *Проблемы теории и практики управления.* 1997. № 1.
27. *Рохчин В. Е., Егоров И. И., Знаменская К. Н.* Система стратегического планирования социально-экономического развития регионов России: теоретико-методологический аспект. СПб.: ИРЭ РАН, 2005.
28. *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980.
29. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления / *THESIS.* 1993. Вып. 3.
30. *Семенов-Тянь-Шанский В.* Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.
31. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
32. *Стратегическое управление: регион, город, предприятие.* М.: Экономика, 2004.
33. *Томсон А. А., Стрикленд А. Дж.* Стратегический менеджмент: концепции и ситуации. М.: ИНФРА-М, 2000.
34. *Тромпенаарс Ф., Хэмиден-Тернер Ч.* Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Мн.: Попурри, 2004.
35. *Холл Р.* Организации: структуры, процессы, результаты. СПб., 2001.
36. *Хорев Б. С.* Территориальная организация общества. М., 1981.
37. *Хэйдж Д.* Астонская группа // *Классики менеджмента.* СПб.: Питер, 2001.
38. *Челинцев А. Н.* Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1911.
39. *Шейн Э.* Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002.
40. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб., 1882.
41. *Kimberly J.* Organizational Size and the Structuralist Perspective // *Administrative Science Quarterly.* 1976. Vol. 21.
42. *Porter L. W., Lawler E. E., Hackman J. R.* Behavior in organization. New York: McGraw Hill, 1975.